

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ЯПОНЦЕВ КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ЯПОНИИ.

Ашинова Ж.Е. к.и.н., доцент
кафедры корееведения и японоведения
КазНУ имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан
janar72@mail.ru

Аннотация. Сегодня многих исследователей интересует секрет успеха японской модернизации, выделившейся на фоне других стран Востока по скорости и качеству проведенных преобразований. Хотелось бы обратить внимание на некоторые культурно-исторические особенности формирования японского политического сознания. В свою очередь политическое сознание является одним из основных механизмов успешной реализации политической модернизации в Японии. Традиционные механизмы политической модернизации - политическое сознание и политическое поведение - в Японии постоянно связаны между собой и эта связка остаётся неизменной на протяжении всей японской истории вплоть до эпохи постиндустриального общества.

В данной работе исследуются образующие факторы японского общества, такие как природные условия, культурно-религиозные механизмы и социальные аспекты, в свою очередь непосредственно повлиявшие на формирование политического сознания японцев.

В итоге сделан вывод о том, что устойчивая связь традиционных механизмов политического сознания и поведения обеспечила эффективное осуществление двух модернизаций японской политической системы - «Мэйдзи Исин» и модернизации послевоенных лет XX века.

Ключевые слова: Япония, природные условия, культурные механизмы, социальные аспекты, политическое сознание, модернизация.

Политическое сознание народа является основой политических процессов, протекающих в государстве. Оно неотрывно от природы сознания в целом, что приводит к необходимости исследовать мышление японцев как самостоятельное явление и на основе этого попытаться понять динамику политических процессов в истории Японии.

Характеризуя тип мышления японцев, в литературе западных авторов довольно часто встречаются слова «чуждой», «уникальный», «иррациональный» [1]. Конечно, невозможно дать характеристику менталитету, ограничиваясь одним лишь термином, однако обвинить таких авторов в голословности нельзя. В случае с Японией, «иррациональное» мышление нуждается в серьёзных разъяснениях. Для того, чтобы более детально разобраться в том, что же такое на самом деле уникальная японская ментальность следует рассмотреть самые разные сферы жизнедеятельности человека в Японии и сквозь эту призму попытаться ответить на интересующий нас вопрос.

Первой и, возможно, наиболее существенной особенностью Японии является обособленность и удалённость от материка. Отсюда проистекает замкнутый характер формирования японского сообщества. Географическую замкнутость страны, которая долгое время не поддерживала связей с остальным миром, за исключением ближайших соседей, можно считать фактором объединения понятий народа и государства, страны и людей. По этой причине в Японии на протяжении веков

сложилась уникальная система отношений между народом и государством. То есть, фактически, грань, некий психологический барьер между простыми людьми и правящим слоем, в отличие от подавляющего большинства западных стран, практически стерт [2].

Многие японские исследователи заявляют о глубочайшем доверии японцев своей стране и правительству, потому что они «неразрывно связаны между собой». Так, «Правительство лучше информировать, безо всякого кнута и пряника», - пишет один из ученых Таити Сакайя [3]. Именно осведомленность государства о жизни народа, считается главным залогом благополучия. В сознании жителей большинства других стран неустанные надзор и контроль со стороны властей сопряжены скорее с неудобствами, чем с благополучием, что объясняет желание людей скорее избежать осведомление государства о своих действиях. Для японца внимание власти олицетворяет не проявление давления, а проявление заботы.

Второй решающей характеристикой развития японского общества можно назвать традиционную сельскохозяйственную направленность труда. Многие ученые-востоковеды утверждают, что свойственная японцам коллективность, проистекает именно из сельскохозяйственной специфики. Практически любое государство возникает в первую очередь как сила, имеющая целью защиту людей. Однако, в данном случае, оборонительная функция оказывается не существенна, в виду географической изолированности страны, которая сводила на нет опасность вторжения или экспансии.

Именно поэтому японский народ объединился в государство с целью распространения знаний по сохранению урожая и орошения. Отсюда ещё одна причина доверять государству - крестьянам было выгодно информировать власти о своём положении, так как они могли помочь в критических ситуациях. В XIV в. каждый правитель Японии ревностно занимался ирригацией, прокладкой дорог к столице и прочим, что способствовало как увеличению богатства и могущества феодализма, так и увеличению жизненного уровня простого народа. Даже в эпоху Токугава главной заботой японских феодалов даймё и самих сёгунов опять же были разработка новых земель под сельское хозяйство и поощрение различных местных производств [4].

Таким образом, можно выделить одну из ключевых особенностей японского политического сознания - особые природно-географические условия способствовали сближению государства и народа, что, в свою очередь, позволило осуществлять руководство, основанное на своеобразном неписаном договоре о глубоком доверии между властью и народом.

Отсутствие серьёзной угрозы извне не только повлияло на японскую культуру и мышление в целом, а так же и наложило отпечаток и на военное искусство. Японские доспехи и шлем невероятно красивы, однако как средство защиты малоэффективны и мало функциональны. В них отразилось, скорее, мифологическое сознание японцев - эстетика, как неотъемлемая часть оружейного дела, в Японии оказалась главенствующей, по сравнению с боевой эффективностью. Японская техника фехтования хороша в бою один на один, однако в массовом сражении является совершенно непригодной [5, с. 33].

Из первого нападения извне японцам удалось спастись чудом — вооруженные по последнему слову военного искусства и намного превышающие в количестве войска под руководством монгольского хана Хубилая буквально сдуло ветром, который впоследствии называли «камикадзе», что в переводе означает «божественный

ветер». А Тихоокеанская война в XX в. показала несостоятельность стратегии и тактики японского военного командования. Ни устройство городов, ни обработка рисовых полей, ни местные общины, ни система семьи, ни система образования, ни правила этикета не создавались в расчёте на чрезвычайное положение. Таким образом, можно заявить, что ещё одна важная особенность политического сознания японцев - отсутствие военного мышления и реакции на кризисные ситуации.

В результате реставрации Мэйдзи, переняв опыт государственного устройства и передовые технологии у Европы и Америки, Япония смогла в краткие сроки осуществить модернизацию и из страны с феодальным режимом превратиться в индустриальное государство. Сами японцы ничем не могут объяснить свой успех, они утверждают, что любое государство, вставшее на путь модернизации, может достичь того же, что Япония. Для этого достаточно перенять современные технологии у развитых стран и сразу же расцветёт современная промышленность. Однако никто не может объяснить такой вопрос: почему только Япония из стран Азии и Африки, переняв технологию и опыт Европы и Америки смогла выбиться в лидеры за столь короткий срок?

Множество ученых считает, что в Японии испокон веков перенимались технологии и знания Китая, что поспособствовало укоренению традиции усваивать иностранную технологию, государственное устройство. При отсутствии собственных сильных лидеров в связи с однородностью японского общества, и без способности взрастить эффективные технологии самостоятельного преодоления кризисов и чрезвычайного реагирования, в японском сознании возникает уникальная способность эффективно воспринимать новшества из внешнего мира. Подобный феномен, по сути, является своеобразной психологической заменой нехватки кризисного мышления в Японии [6].

Природа данного феномена объясняется не только опытом принятия китайских технологий, но и характеристиками важного образующего фактора японского общества - религией японцев «синто».

«Синто» или синтоизм - стихийно возникшая религия, интересна тем, что на самом деле не является религией в полном смысле этого слова. У него не было канонических церковных книг. Он располагал лишь своей обрядностью и мифологией. Синтоизм возник на основе тотемистических верований древности и культе предков и развивался под влиянием буддизма, конфуцианства и даосизма. Объектами синтоистского культа могли быть как предметы и явления природы, так и души предков — покровителей семей, родов и даже отдельных местностей. Верховным божеством считается Аматаэрасу Ооками, от которой, согласно легенде, ведет свое происхождение императорский род. Главная специфическая особенность синтоизма — глубокий национализм. Так, считается, что боги породили не всех людей, а именно японцев.

В VI в. в Японию проник буддизм – религия по сути своей наднациональная, способствовавшая образованию единого государства, поскольку традиционная религия синто не вполне соответствовала потребностям господствовавшего класса японского общества того времени.

В период Нара (710–784) начался новый этап в развитии как буддизма, так и синто: обе религии сделали первые шаги навстречу друг другу. В этот период синтоистский культ богов - «ками» существовал во всех слоях японского общества, а буддизм имел ограниченную сферу распространения. Тем не менее у них была одна общая функция: и та и другая религии находились на службе императорского двора.

Обе религии в совокупности пронизывали всю социальную и идеологическую жизнь японского общества: синто проповедовал радость в этой жизни, благодарность kami и предкам, в том числе императору и его вассалам; буддизм – пренебрежение к тяготам земной жизни и ожидание благодати в ином мире, что притупляло классовые противоречия.

В середине периода Хэйан стало популярно представление о том, что kami – это не что иное, как земное воплощение будд и бодхисаттв. Теоретической основой этих представлений была идея «двустороннего синто» («рёбу – синто» в практике секты «сингон» и «санно итидзицу» в практике секты тэндай). Пантеон синтоистских богов и богинь стал считаться также и буддийским пантеоном.

Интересно, что именно синтоизм столь точно подходит к японскому менталитету и системе ценностей. Мы снова сталкиваемся с тем, что регламентирующее явление, такое как религия, предстаёт не сводом придуманных правил, обязательных к выполнению, но истинной добродетелью. Синтоизм, не имея свода обрядов и правил, предполагает негласные нормы, исходящие из самих законов природы. А особая, синкретическая сущность синтоизма предполагает толерантное отношение к иным мифологическим системам и верованиям, что даёт возможность существованию самых различных конфессиональных элементов и традиций в рамках одной культуры [7]. Как говорят, современный японец рождается синтоистом, женится, как христианин, а умирает как буддист. Очень интересно эта особенность выглядит в контексте феномена заимствования политических и социальных технологий извне: именно специфическое «синтоистское» качество не ощущать противоречия между заимствованным и традиционным кажется адекватным объяснением быстрых темпов модернизации страны на основе зарубежного опыта.

Подобный религиозный компромисс, вылившийся в конечном итоге, в компромисс политико-экономический, оказался возможен благодаря ещё одной особенности японской ментальности. Дело в том, что в японской морали не существует понятия абсолютной справедливости [8]. Японцы — народ, считающий, что справедливость - это множество слитых в единое целое интересов. В Японии «... умеют сочетать выгоду и справедливость и утверждать, что справедливость - служение интересам большинства». Иными словами, согласно морали синтоизма, справедливо то, что справедливо для большинства людей в настоящий момент [7]. Именно такая компромиссная идея и породила впоследствии оптимально организованное индустриальное общество, воспринимающее западную цивилизацию, как «выгодную сделку»; именно поэтому идея конструктивного объединения таких разных учений имела свои плоды, как в экономическом, так и в политическом смысле.

Таким образом, можно выделить ещё одну характерную черту японского сознания - веру в сиюминутную справедливость, которая характеризует японцев как людей практичных не столько умом, сколько подсознательным восприятием происходящего.

Синтоизм, как религия, также закладывает этические нормы поведения, понять их необходимо, так как поведенческие характеристики отражают сознание человека. Одну из наиболее стройных систем, характеризующих стиль поведения японцев, создала гавайский антрополог японского происхождения Такиэ Лебра, исследовавшая японские поведенческие штампы. Всего она выделяет пять наиболее ярких таких штампов.

Первый наиболее заметный штамп - принадлежность к социальной группе. Любой человек в Японии всегда знает своё место, своё строгое положение в общественной структуре. Каждый японец всегда отождествляет себя с некой социальной группой и практически никогда не воспринимает себя отдельно от неё. Такой группой может быть отчий дом, семья, соседи, напарники по работе, друзья, национальная принадлежность. И что показательно, подобное отношение - не только к себе самому, но и ко всем окружающим; все остальные - так же принадлежат к какой-либо общности. В разговорах о чужаке у японца на первом месте стоит вопрос «Откуда он?», и лишь на втором - «Кто он?», поскольку ответ на первый вопрос сразу же снимает многие последующие [9].

Вытекающий из первого, второй штамп - социальная эмпатия. Далее Лебра отмечает эмпатию, как поведенческий штамп, то есть способность вчувствоваться в переживания собеседника. Лебра полагает, что на первом месте в поведении японцев - стремление познать потребности своего партнёра и желание действовать в соответствии с ними. Свои внутренние тенденции японец подчиняет тенденциям того, с кем находится в данный момент в общении. На практике эта характерная особенность выражается в проявлении гостеприимства [9].

Третий штамп, описанный Лебра - социальная зависимость. Эта характерная особенность так или иначе связана с первым упомянутым поведенческим штампом - с принадлежностью к группе. Быть на страже желаний своего партнёра (собеседника, оппонента) - означает зависеть от него. Так же под социальной зависимостью подразумевается обычай блюсти иерархичность личностных и межличностных отношений: уважать старших, держать социальную дистанцию и прочее. Следует отметить, что в Японии зависимым может быть не только младший, но и старший, поскольку так же находится во взаимосвязи с группой и другими людьми [9].

Следующий штамп - социальная позиция и её ощущение. Японец, где бы он ни прибывал, имеет чёткие представления о личностных взаимоотношениях по вертикали. Он не нуждается в особых инструкциях по правилам поведения. Кроме того, инструкция не охватит всех нюансов поведения, которые вырабатывает в своём сознании японец, занимающий определённую ступеньку. Формальная инструкция (и тому масса примеров на Западе) всегда вызывает искушение её обойти. Такова психология любого человека, вне зависимости от типа мышления: нечто навязываемое всегда вызывает негативную реакцию. Восприятие же правил без инструкций, на уровне сознания или даже подсознания, - наоборот, побуждает следовать им [9].

И последний поведенческий штамп японцев - долг обязательства. Пятым поведенческим штампом Лебра называет особую систему норм поведения, выработавшуюся в Японии в течение долгого времени и получившую название нормы «гири-ниндзё», о которых будет подробно сказано чуть ниже. «Гири» - своеобразные обязательства и ритуал их выполнения, «ниндзё» - так называемое переживание благодарности. Опять же отметим, что подобные нормы и правила не являются некой инструкцией, а заложены в самом способе мышления и восприятия окружающей действительности японца. Наравне с двумя уже упомянутыми Лебра говорит о категории «он» - чувстве почтения к родителям [9].

Налицо тот факт, что все эти особенности японского поведения так или иначе связаны и переплетены между собой. Так, например, долг обязательства неразрывно связан с социальной зависимостью японцев, а социальная зависимость - с

принадлежностью к группе. Таким образом, подобная классификация, как, в общем-то, и любая другая, - всего лишь условность, тем не менее, дающая возможность более стройно воспринять природу поведения японцев. Для нас важно понять то, что «иррациональность» японского сознания в данном вопросе выражается именно в особенном восприятии японцами всякого рода правил и опять же в особенном расположении в сознании японца понятий «надо» и «должно». В продолжение этой мысли, рассмотрим подробнее некоторые категории подобных правил, а именно этических правил, о которых уже частично упоминалось выше.

Как говорилось ранее, этические нормы в Японии - это своеобразный синтез синто, конфуцианства, буддизма и христианства. Истинный путь «до» всегда находится рядом - это любовь к родителям, уважение к старшим, соблюдение многочисленных ритуалов. Своими корнями этические нормы глубоко уходят в национальную психологию. Они проявляются в национальном самосознании, чертах национального характера. Заимствованные из учения Конфуция пять постоянств: человечность, долг, благонравие, мудрость, верность, легли в основу воспитания японцев. Дзин (человечность) - есть милосердие ко всему живому. Первейший же элемент человечности - это послушание родителям. Ги (чувство долга) - поведение согласно норме должного. Рэй (благонравие) - уважение и почитание высших, снисходительность к низшим (вспомним, что старший в японском сообществе тоже зависит от младшего). Ти (мудрость) и син (верность) - так же главные добродетели человека, которые проявляются в пяти разновидностях человеческих связей: родители-дети, господин-слуга, супруги, братья-сёстры, друзья. На основе этих постоянств и этических принципов и вырабатывались так называемые нормы «гири-ниндзё» [10]. Итак, «гири» - это обязательства и ритуал их выполнения, выработанные с течением времени.

«Ниндзё» (человеколюбие) - отражает подлинные чувства, не поработавшая человека (в отличие от норм гири, которые превращаются для новых поколений в те самые навязываемые инструкции, которые хочется обойти). Гири - лишь атрибут социальных отношений, ниндзё - истинные чувства в системе этих отношений. Что показательно, не отделяет гири от ниндзё: для него это две стороны одной медали, обе из которых находятся внутри человека естественно, не являясь насажденной нормой.

Если подробнее охарактеризовать гири, воспользуемся характеристиками Иосиюки Нода. Он рассуждает о нормах гири в следующих пунктах:

1) Содержание и интенсивность гири зависят от социального статуса (и вновь налицо привязка к общественной группе; она так же выражена и в соблюдении норм благодарности).

2) Человек не имеет права требовать от другого исполнения гири. Тот, кто не исполняет к кому должно, достоин презрения. Но тот, кто принуждает - сам нарушитель (гири показывается здесь как совокупность тех самых внутренних человеческих норм. Никто не обязан их выполнять по указке, однако выполнение чрезвычайно естественным, невыполнение же - напротив, противоестественным)

3) Отношения гири неизменны. Раз возникнув между двумя людьми, они живут до конца их дней.

4) Узы гири устанавливаются между людьми на различных социально-психологических уровнях.

5) По современным понятиям, глава фирмы нарушает нормы гири, если он общается только в сфере профессиональной деятельности. Он должен интересоваться

личной жизнью подчинённого, его семьёй. Подчинённый же склонен без понукания оказать начальнику услугу в его личных делах (ещё одно доказательство того, что социальные правила установлены не снаружи, в самой глубине сознания японца: общественная и личная жизнь так же связаны посредством поведенческих особенностей).

б) Те, кто отступает от норм гири, теряет лицо [11].

Всё это лишний раз доказывает, что «иррационализм» японцев переносит этические и поведенческие нормы и правила из внешней среды в самого человека. Другой же интересной особенностью этого «иррационализма», которая становится заметной при более детальном рассмотрении норм гири, является то, что личное и общественное в жизни японца почему-то неразделимы. То есть когда японец ощущает себя частью социальной группы, то делает он это не только как исключительно социальное существо, но и как личность; этому поведенческому закону подчинена не только общественная жизнь человека, но и все остальные его жизненные сферы.

Особое место в японской общественной жизни занимает так называемая «японизация возвращенцев». Дело в том, что японцы, надолго покидающие страну, отвыкают от особенностей жизни на родине, привыкая к иным нормам поведения, совершенно чуждым японскому сознанию и более того, могущим навредить устоявшимся японским принципам жизни. Именно поэтому серьёзное внимание уделяется социализации тех, кто возвращается в Японию из-за границы. Следует сразу сказать, что возможности так называемых возвращенцев многократно снижаются, по сравнению с остальными японцами. Однако погружение их обратно в родную среду, тем не менее, происходит.

Таким образом, ещё одним важным качеством японского сознания является стремление к постоянной поддержке существующего общественного устройства, к поддержке гармонии. Всё должно быть на своих местах. Гармония является чуть ли не первой ценностью в японском обществе. Эта черта восходит к основополагающему моральному принципу японской общины.

Вновь, на этот раз на примере общения японцев, мы обнаруживаем стремление и способность относиться ко всем жизненным нормам и устоям не как к написанным и диктуемым правилам, а как к чему-то естественному, очевидно верному, а так же стремление сохранить гармонию и целостность существующих отношений.

Влияние подобных черт японского сознания на политическую реальность очевидна: совершенно чёткие, во многом подсознательные представления каждого о взаимоотношениях «по вертикали» в любой структуре властных отношений, будь то государственный аппарат, политическая партия или просто фирма, позволяют данной структуре особым образом функционировать, освобождаясь от многих случайных факторов, которыми изобилует аналогичная структура на Западе.

Мы рассмотрели ключевые образующие факторы политического сознания, как механизма реализации политических процессов в Японии, которые проявились ещё на заре существования японского общества. Очевидно, что именно эти факторы явились основополагающими в дальнейшей эволюции и трансформации японского политического сознания и регуляции политических модернизационных процессов.

Список использованной литературы:

1. Шелестова Е. Н. Эстетика и религия японцев как противоречиво функционирующая целостность // Человек и мир в японской культуре. - М.: Наука,

1985, 304 с.

2. Кульпин Э. С. Восток. Теоретические рассуждения. - М., 1990, 278 с.

3. Сакайя Т. Что такое Япония? - М.: Наука, 1998, 334 с.

4. Moon O. From Paddy Field to Ski Slope: The Revitalisation of Tradition in Japanese Village Life //Journal of Japanese Studies.- 1991.- vol. 17, № 1.- с. 240-244.

5. Ильин М. В. Перспективы сравнительного изучения политической модернизации // Политическое развитие и модернизация: Современные исследования.- М.: РАН ИНИОН, 2003.- с. 33.

6. Berry M.E. Was Early Modern Japan Culturally Integrated? // Modern Asian Studies.- 1998.- vol. 31, № 3.- с. 547-581.

7. Ермакова Л. М. Мифопоэтический строй как модус ранней японской культуры // Человек и мир в японской культуре.- М.: Наука, 1985.

8. Ward R. E. Political Modernization and Political Culture in Japan. // World Politics.- vol. 15, № 4.- 1963.- с. 569-596

9. Sugiyama Lebra T. Japanese culture and behavior : selected readings.- Honolulu University of Hawaii Press,1986.

10. Пронников А. Е., Ладанов Н. Е. Японцы. Этно-психологические очерки //3-е издание, исп. и доп.- М.: Изд-во «ВиМ», 1996.

11. Noda Y., Nihon Jin No Seikaku To Sono Ho-Kannen.- Misuzu, 1971.

References:

1. Shelestova E. N. Estetika I religiya yaponcev kaka protivorechivo funkcioniruyushaya celostnost // Chelovek I mir v yaponskoj kulture. - М.: Nuka, 1985, 304 с.

2. Kulpin E. S. Vostok. Teoreticheskie rassuzhdeniya. - М., 1990, 278 с.

3. Sakaya T. Chto takoe Yaponiya? - М.: Nauka, 1998, 334 с.

4. Moon O. From Paddy Field to Ski Slope: The Revitalisation of Tradition in Japanese Village Life //Journal of Japanese Studies.- 1991.- vol. 17, № 1.- с. 240-244.

5. Ilin M. V. Perspektivy sravnitel'nogo izucheniya politicheskoi modernizacii // Politicheskoe razvitie I modernizaciya: Sovremennoe issledovaniya.- М.: PAN INION, 2003.- с. 33.

6. Berry M.E. Was Early Modern Japan Culturally Integrated? // Modern Asian Studies.- 1998.- vol. 31, № 3.- с. 547-581.

7. Ermakova L. M. Mifopoeticheskii stroi kak modus rannei yaponskoj kultury // Chelovek I mir v yaponskoj culture.- М.: Nauka, 1985.

8. Ward R. E. Political Modernization and Political Culture in Japan. // World Politics.- vol. 15, № 4.- 1963.- с. 569-596

9. Sugiyama Lebra T. Japanese culture and behavior : selected readings.- Honolulu University of Hawaii Press,1986.

10. Pronnikov A. E., Ladanov N. E. Yaponcy. Etno-psihologicheskie ocherki //3-е издание, isp. i dop.- М.: Izdatelstvo «ViM», 1996.

11. Noda Y., Nihon Jin No Seikaku To Sono Ho-Kannen.- Misuzu, 1971.

Ж.Е. Ашинова.

Жапондықтардың саяси сана-сезімі Жапонияның саяси қайта жаңғыруын

іске асыру құралы ретінде.

Аннотация. Бүгінгі таңда жапондық қайта жаңғыру сәттілігінің сыры мен

негізгі себептері көптеген зерттеушілер назарын өзіне аударып жүргені баршаға мәлім. Жапониядағы саяси қайта жаңғырудың сәтті жүзеге асырылуының негізгі механизмдерінің бірі халықтың саяси сана-сезімі болып табылады. Сондықтан да осы мақалада жапон саяси сана-сезімі және оның қалыптасуындағы кейбір мәдени-тарихи ерекшеліктерге назар аударылады. Бұл жұмыста жапондық саяси сана-сезім қалыптасуына әсер еткен негізгі факторлар, дәлірек айтсақ, табиғи жағдай, мәдени-діни үдерістер және қоғамның әлеуметтік аспектілері зерттелген.

Кілтсөздер: Жапония, табиғи жағдай, мәдени үрдістер, әлеуметтік аспектілер, саяси сана-сезім, модернизация.

Zh.Y. Ashinova.

JAPANESE POLITICAL CONSCIOUSNESS AS A MECHANISM FOR THE IMPLEMENTATION OF POLITICAL MODERNIZATION IN JAPAN.

Abstract. This paper examines political factors form of Japanese society, such as environmental conditions, cultural mechanisms and social aspects, in turn, influenced the formation of the political consciousness of the Japanese. As a result, concluded that the stable relationship of traditional mechanisms of political consciousness and behavior to ensure effective implementation of the two upgrades Japanese political system - "Meiji Yixing" modernization and post-war years of the XX century.

Keywords: Japan, natural conditions, cultural mechanisms, social aspects, political consciousness, modernization.